

Не
Зли
Екуля

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Любовь Чи

18+

Любовь Чи Не ЗЛИ Екуля

<https://litres.ru/74250984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что хоронит их. Они просто ждали.

Сначала умер отец. Потом мать. Люба закрыла гробы, засыпала землю и попыталась жить дальше. Но через месяц мать вернулась. Серая. Пустая. Она перешагнула порог и сказала: «Я хочу есть». А потом намазала губы дочери кровью.

— Нужно отметить тебя для Екуля.

Люба не знает, кто такой Екуль. Не знает, почему в её квартире появился ребёнок с золотыми и серебряными глазами. Не знает, что сестра уже продала её, чтобы спасти себя.

Она просыпается в мире, где дома — как мыльные пузыри, а внутри — целые вселенные. Где чёрные маги ждут её. Где лес шепчет её имя. Где тот, кто назвался Алдуном, улыбается в темноте и обещает: «Ты можешь позвать меня. Всегда».

Её кровь уже не её. Её душа отмечена.

Вопрос не в том, выживет ли она. Вопрос в том, что она оставит после себя.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Любовь Чи Не ЗЛИ Екуля

Глава 1

— Нет! Папа умер!

Мама заплакала, и слёзы хлынули из глаз, не сдерживая потока.

Люба повернула голову к маме, видя, как её образ, расплываясь, словно за пеленой, терял чёткие очертания.

Мама позвонила в службу, и через тридцать минут в квартире топтались люди: полиция, медики, ритуалка. Папа болел раком, увядая не по годам, а по часам. Наблюдать за тем, как твой любимый человек, твой родитель, умирает, было невыносимо — после мучений, после облучения, после операции, где раскрывали рёбра, удаляя очаги, пронизавшие тело. Он держался, и было видно, что ему жалко нас больше, даже, чем нам его. Терпел боль, терял вес. И настал тот день, когда он издал последний выдох и замер. Люба пришла с учёбы, отказываясь верить в то, что отца больше нет.

Мама стала увядать день за днём — то ли от этого, то ли от своих болячек. Каждый день после похорон превратился в разговоры о нём и обсуждения претензий к дочери, в воспо-

минания о жизни, оборвавшейся так быстро. Отцу было всего лишь пятьдесят пять. Он никогда не жаловался на жизнь, стараясь держаться настоящим мужчиной. Дом всегда был полной чашей: он работал, старался, не пренебрегая обязанностями. Были и грехи, но сейчас мы их опустим. Мама даже не знала, что такое покупка мяса — это была папина обязанность, которую он исполнял, не жалуясь. Он не лез в воспитание дочери, но если возникала проблема, можно было положиться на него, зная, что он не откажет, даст совет, чему-то научит. Но болезни никого не щадят, никого не отпускают. Заболев раком, ты перестаёшь быть властелином своей жизни, оставляя выбор судьбе, и только она решает, что будет дальше.

Мама всегда была уютной подушкой дома, создавая уют стиркой, уборкой, вкусным ужином и выпечкой. Её тесто, самое вкусное и пышное, было лучше магазинного. Она пыталась научить дочь этому шедевру, но Любе не нужны были эти уроки — она считала, что мама будет жить долго, не осознавая до конца, что отца больше нет. Ей казалось, что он вышел и скоро вернётся, хотя она присутствовала на похоронах. Папа помогал маме с ужином, никогда не ленился: жарил мясо или готовил фирменное блюдо — жареную картошку с квашеной капустой и мясом, отдельный шедевр. Увлекаясь рыбалкой, он часто приносил домой рыбу, порой в больших количествах, зная, когда и какие грибы собирать, и мог часами бродить в их поисках, никогда не возвращаясь с пусты-

ми руками. Люба не любила ни грибы, ни рыбу, но наблюдать за тем, как ему это доставляет удовольствие, было особым видом искусства. Мама, помогая ему, как только добыча появлялась в доме, чистила, жарила, парила, консервировала принесённое, поддерживая мужа как могла. После смерти отца остались только горькие воспоминания былых дней.

Мама увядала, теряя смысл к жизни. Болячки, обостряясь, всё больше давали о себе знать. Инсульт, инфаркт — и снова больница. Мама умерла в шестьдесят лет. Им бы ещё жить и жить, но смерть решила иначе. Опять похороны, теперь только упавшие на плечи дочери. Люба ходила из комнаты в комнату, ощущая, как воспоминания ложатся на неё грузом, тяжелее любого груза тянущим к земле, — словно она погружалась в ледяную воду, где слёзы перехватывали дыхание.

— Привет. Как ты? — пришла двоюродная сестра Дина.

— Нормально.

— Пошли сегодня со мной погуляешь, в мою компашку, развеешься.

— Спасибо, Дин, не хочется.

— Если передумаешь, звони, скажу, куда подойти.

— Хорошо.

Дина ушла.

Мир не гас. Казалось, Люба слышит смех — сама Жизнь смеётся. Её игр нам не понять, её смех нам не унять. Мрачные игры, в которые мы никогда не сможем сыграть на рав-

ных. Люди не пишут правила игры, создавая лишь схемы обхода того, что смогут вкусить сполна.

Прошли дни, а может, недели, нет — месяца, и смех затих, давая силы дальше жить, двигаться, не бояться, но сомневаться в каждом прожитом дне. *Ты можешь лучше. Под силу всё тебе.*

В дверь стук.

— Кто?

В ответ — тишина. В коридоре света нет. Опять стук. Опять тишина.

— Открой, это я.

Голос, показавшийся знакомым, заставил Любу повернуть замок и открыть дверь. Она замерла, увидев на пороге мать — серую, пустую, с глазами, устремлёнными в никуда. Такую же, как на похоронах. *Она мертва* — пронеслось в голове. Люба моргнула, но картина не изменилась: мать стояла на пороге, не двигаясь, не дыша.

— Впустишь мать?

Тело, скованное страхом, отказывалось подчиняться. Люба хотела захлопнуть дверь, хотела убежать, но не могла пошевелиться.

— Входи, — выдохнула она.

Девушка отошла в сторону, пропуская мать. Та перешагнула порог, двигаясь слишком ровно, слишком пусто — как кукла, которой управляют невидимые нити. Серое лицо, остекленевшие глаза, ни одной эмоции.

— Ничего не изменилось, — сказала мать, не глядя по сторонам.

— Ты мертва, — пятилась назад Люба, чувствуя, как каждая клетка кричит об опасности. Она боялась коснуться матери, боялась, что рука пройдёт сквозь, или что мать схватит её и не отпустит. — Ты умерла. Я была на похоронах.

— Я выходила. Что за глупости ты говоришь. Я хочу есть. Люба, крадясь к матери лицом, обошла её и рванула на кухню, доставая всё, что было в холодильнике. Руки тряслись, она боялась повернуться.

Мать села на стул, оглядывая стол, и из всего, что стояло перед ней, выбрала жареные стейки с кровью. Схватив кусок всей ладонью, она принялась кусать его, откусывая и проглатывая, почти не жуя.

— Мама, не торопись, еды много.

Мать остановилась на минуту, оглядывая стол.

— Стол битком, а поесть нечего.

— Что ты хочешь, скажи, и я сготовлю.

— Ты так и не научилась готовить, я сготовлю сама.

— Хорошо, сготовь сама.

Мать, доев стейки в тишине, поднялась и ушла в зал, встав перед окном.

— Не говори никому, что я вернулась, — сказала мать.

— Почему? Даже сестре твоей?

Мать повернулась, и Люба отшатнулась, увидев лицо, не выглядевшее добрым.

— Ты тупая или как? — её лицо начало плавно меняться, словно маска сменялась на добро.

Люба молчала, не в силах вымолвить ни слова. Мать, побрела по квартире, увидев своё фото с чёрной лентой, сняла его и принялась разглядывать свои черты, водя пальцем по стеклу. А затем резко кинула рамку о пол. Стекло разбилось, и осколки рассыпались по сторонам, но мать, стоявшая посреди них, не порезалась — ни одной капли крови.

Женщина издала пронзительный крик, переходящий в визг и снова в крик.

— Мама, — протянула руку Люба, но боялась подойти ближе.

— Уйди! Иди разбери стол на кухне!

Люба, пятясь, покинула зал.

Через некоторое время Люба заметила, что по дому кто-то бежит. Ей показалось, что это лысая кошка. Мать сидела на диване, наблюдая за дочерью, — просто смотрела, не двигаясь.

Люба, поднявшись, принялась выслеживать кошку, обходя квартиру и заглядывая под мебель. Ничего не нашла. На следующий день она опять увидела кошку, но она была в костюме зайчика и бегала на двух задних лапах. Люба, кинувшись за животным, зажала его в углу. Оно стояло к ней спиной, лицом к стене. Схватив его и повернув к себе, Люба увидела не зверя — ребёнка, маленького, внешне похожего на полугодовалого младенца.

Ребёнок смотрел на неё около минуты, разглядывая, а затем начал орать. Крик ребёнка пронзил комнату, и из соседнего помещения голос матери врезался в него:

— Приложи его к груди.

— У меня же нет молока.

— Ну и что. Вместо соски. Поорёт и успокоится.

Люба, не в силах пошевелиться, смотрела на орущего ребёнка и видела в его раскрытом рту ровные белые зубы — у полугодовалого младенца. Она опустила на колени, медленно, боясь сделать резкое движение. Ребёнок, продолжая кричать, был тёплым и живым, но его глаза — один золотой, другой серебряный, без белков и зрачков — смотрели на неё, проникая внутрь.

Люба села на диван, задрала футболку и приложила малыша к груди, разглядывая его лицо. Малыш принялся сосать её грудь и замолчал, покусывая соски. Она приподняла пальцем его губу и дивилась, увидев полный рот ровных белых зубов. Пупс продолжал сосать грудь, изредка улыбаясь ей. Люба опять обратила внимание на глаза ребёнка — один был золотым, другой серебряным, без белков и зрачков.

Мать появилась перед ней неожиданно, как призрак, тоже глядя на ребёнка.

— Ты ему понравилась.

— И долго мне так сидеть? Нужно позвонить в полицию.

— Не смей! Он сам решит, когда хватит.

— Ты знаешь, кто это?

— Знаю, — мать шагнула ближе, ступая бесшумно. — Просто прикладывай его к груди и спи с ним. И я буду с тобой, всегда.

Из носа матери потекла кровь, которую она даже не ощутила.

— Мама, у тебя кровь, — Люба уставилась на её нос, чувствуя, как сердце бешено колотится.

Мать сидела, не двигаясь, а кровь текла по её лицу, капая на пол. Она вытерла её пальцами и протянула пальцы в крови к дочери, к её губам. Люба отёрнула голову.

— Мама, ты что делаешь?!

— Нужно отметить тебя для Екуля.

Рука матери начала охотиться за её губами, но Люба уворачивалась.

— Нет, мама, не надо!

Но женщина не смирилась с отказом: навалилась на неё, прижала голову рукой и намазала ей губы. Кровь попала на язык — металлическая, тёплая, чужая. Ребёнок сосал сосок, и казалось, его разноцветные глаза следили за происходящим. Люба отбивалась, но одной рукой продолжала держать неизвестного малыша. Мать начала душить дочь.

— Помогите, — прохрипела Люба, теряя сознание и сжимая мать за запястье из последних сил, пытаясь убрать её руку от шеи.

На утро в дверь позвонили. Люба подошла к двери, посмотрела в глазок, открыла. На пороге стояла Дина.

— Проходи.

— Ты что трубку не берёшь? Я тебе пять раз звонила.

— Дин, — Люба осмотрела взглядом квартиру, никого не увидела, выдохнула, подумав, что ей приснился сон. — Я спала и не слышала.

— Понятно. А что я пришла: мы недавно познакомились с мальчишками, сегодня идём к ним в гости. Пригласили, так сказать. Пошли с нами, развеешься.

— Я не знаю. Не хочется.

— Всё, прекращай! Сколько можно! Сегодня ты с нами, достала грустить. Ты теперь хочешь закрыться и из дома не выходить? Я думаю, родители пинка тебе бы за это дали, для полёта. Сегодня ты идёшь, и не обсуждается! Познакомишься, повеселимся, может, кто приглянется, — улыbnулась Дина, и на сердце стало теплее.

— Да, ты права, я пойду.

— Вот и отлично. В восемнадцать ноль-ноль подходи к моему дому.

— Хорошо.

Дина ушла. Люба закрыла дверь, оглянулась, подошла к зеркалу, разглядывая себя. Подняла футболку, осмотрев грудь, и увидела на сосках следы от укусов. В зеркале помечталась мать, стоявшая за спиной. Люба резко обернулась, опустила футболку, прошла по квартире — пусто.

— Мам. Мам! — никто не отозвался. — Это был сон, я спала, мёртвые не оживают, — бубнила она себе под нос.

— Зубастых младенцев не бывает. Я устала, пойду сегодня с Диной развеюсь, и всё наладится. Всё будет хорошо. Всё наладится.

Она провела пальцем по губам и снова почувствовала металлический привкус крови.

Вечером Люба стояла в назначенное время у дома Дины, глядя на дверь подъезда и ожидая, что сестра выйдет оттуда.

— О, привет! — кто-то положил руку на плечо Любе.

Она вздрогнула от неожиданности, обернувшись и увидев Дину, появившуюся с другой стороны — оттуда, откуда она совсем не ждала.

— Привет, Дин. Куда идём?

— Сейчас познакомлю тебя с такими чуваками. Они классные, красивые. Выбирай любого — будет твоим.

— Они что, апельсины?

— Люба, прекращай, продукт штучный, в спросе, так что...

— Ладно, ладно... Не буду шутить больше.

Дорога была долгой. Дина вела какими-то окольными путями.

— Дин, ты только меня не бросай, а то я уже заблудилась.

Дина засмеялась громко и звонко, повернувшись к Любе, остановилась.

— Сестрёнка, не переживай. Пришли вместе — уйдём вместе.

Подошли к зданию — одноэтажному, похожему на быв-

шую школу или ещё что-то.

— Бывшая психбольница, — сразу пояснила Дина.

— Они там живут?

— Работают. Обитель зла. У-у-у... Страшно?

— Надеюсь, они не бывшие пациенты.

— Ну ты блин даёшь. Только чёрным своим юмором не пользуйся, а то я обгадиться раньше времени не хочу.

— Я поняла. Пока дурь свою прятать.

— Ну нет, дурь не прячь, а то ты без юмора очень серьёзной девушкой кажешься. Обгадятся парни ещё до меня.

— Ладно, Дин, на месте разберусь.

Дина подвела к двери и снова останавливается, осматривая Любу с ног до головы. Открывает дверь и пропускает Любу первой. Она идёт по коридорам, слыша разговоры и смех, пока они не выходят в большой холл, где собралась молодёжь. Один из парней, увидев сестёр, сказал:

— Вот и Дина пришла с подружкой. Эта та, Дин? — поправляя тёмные очки.

— Та, прошу любить и жаловать. Знакомьтесь, Люба.

Люба осматривает парней и понимает, что кроме их с Диной девочек больше нет — четыре парня. Она наклоняется к сестре и шепчет на ушко:

— Дин, а где ещё девочки?

— Зачем нам ещё? Ему и тебя хватит.

Люба округляет глаза.

— Что ты сейчас сказала? — спрашивает она в полный

ГОЛОС.

— Хватайте её, остолопы! Что сидите?!

Парни вскакивают на ноги. Люба в испуге бежит не назад, а в сторону по коридору, решив найти ещё выход. Она бежит, оглядываясь на парней, а голос Дины эхом разливается по коридору: «Не упустите её! Ловите! Девушку поймать не могут! Какие же неповоротливые слоны!»

Люба несётся по коридорам, дёргая ручки дверей. На её лице — гримаса страха и предательства: она не ожидала от своей сестры, хоть и двоюродной, но любимой, такой подставы. Одна ручка поддаётся, и дверь распаивается. Она вбегает внутрь, видит в стене металлическую трубу, выходящую на улицу, и лезет по ней. Уже на выходе чувствует пронзительную боль в коленях и, опустив голову, понимает, что в неё впились осколки. Пока она пытается вылезти, один из парней слёту влетает в трубу, хватая её за лодыжку и тянет к себе. Люба переворачивается и начинает бить его свободной ногой, но парень хватается за вторую лодыжку и снова тянет на себя. Она кричит от боли, сползая вместе с осколками, впившимися в ляжку, из которой начинает сочиться кровь. Парень вытаскивает её, юбка задирается, а другой парень брызгает чем-то в лицо, и Люба начинает отключаться. Мир поплыл.

Её куда-то несут — голова мотается вниз, тело лежит на плече несущего. Голос Дины раздаётся эхом:

— Вы идиоты, вы её поранили!

— Это не мы. Она в трубу мусорную залезла.

— Не хочу слушать даже. Она вся в осколках! Как мне её передавать в таком виде Екулю? Сначала в медпункт. Пусть из неё хоть осколки повытаскивают, пока она без сознания.

— Дина, как скажешь, только не говори Екулю, что это мы. Жить хочется, — парень с Любой на плече поворачивается к Дине, сделав умоляющую гримасу.

— Ладно, олухи, не скажу. Но если он её не примет, я вам устрою.

— Да примет. Вон мордашка какая у неё красивая. Подумаешь, пара царапин, ерунда.

— Пара не пара, а товар не порченный должен быть. Это же подарок для господина.

Дина с парнями и Любой на плече возвращаются в холл. Взмах руки — и портал открылся, затягивая и принимая их красками радуги с примесью золотого блеска и серебра. Стены больницы, как радужная слизь, потекли со стен сверху вниз к ногам, перемещая их в другое пространство.

Люба уже где-то лежит и начинает отходить, приходя в сознание. Открыв глаза, она видит медицинский кабинет, а перед ней ходит молодой мужчина с мазями и пинцетом. Она начинает дёргаться, но тело оказывается пристёгнуто к кушетке, и руки тоже.

— Не шевелись, я ещё не все осколки извлёк, — мужчина усаживается на табурет рядом с кушеткой, щёлкая пинцетом.

— Я где?

Мужчина вытаскивает очередной осколок.

— Сейчас всё вытащу и пойдёшь отдыхать.

— Я где, в больнице?

— Ты не переживай. Всё будет хорошо. Потом крем нанесу, и всё затянется быстрее.

— Вы мне не ответили!

— Тише, девочка, не кричи. Я вообще не имею права разговаривать с фаворитками.

— Ответьте мне, где я нахожусь?!

— Скоро всё узнаешь, когда время придёт.

Мужчина в халате уже завершает своё дело, мажет порезы, когда в помещение входит тот самый парень, который тянул её в трубе за ноги.

— Ну что, Браин, закончил? Или ещё время нужно?

— Ещё пару минут, и всё. Можешь забирать её.

— Помогите мне, это он меня похитил, — вклинивается Люба, шепча мужчине в халате.

Они переглядываются и улыбаются.

— Жалко, что она фаворитка, — продолжает парень у двери, разглядывая девушку. — Я бы её себе взял. Мордашка милая.

— Вы что не понимаете?! — продолжает Люба после слов парня. — Они меня похитили!

— Может, её успокоить? — не стерпел парень.

— Ага, а как она перед господином предстанет? Спящей? Или ты думаешь, что ему спящие больше нравятся? — воз-

ражает Браин.

— Ну я не знаю. Я бы и спящую взял, какая разница, сделал дело и гуляй.

— Ты просто ещё сопляк, поэтому не вкушаешь сути. Мёд сладок только от живого, а не от мёртвого цветка.

— Прекращай лекцию. Всё?

— Можешь забирать.

Браин подходит к девушке, отстёгивает тело от кушетки, а ноги и руки растёгивать не стал. Парень подходит, заваливает Любу на плечо. Мужчина в халате придерживает открытую дверь и выпускает их наружу. Не успевают выйти, как парень произносит:

— Будешь орать, я тебе рот закрою. Понятно?

— Отпустите меня, пожалуйста! Зачем я вам нужна? Я стрёмная, глупая и вообще... никакая. Отпустите меня, пожалуйста! Я никому не скажу, обещаю!

Парень поворачивается к другой двери, перед ним открывает её Дина, впуская их. Парень проходит вглубь комнаты и бросает Любу на мягкую кровать. Она, увидев Дину, говорит снова:

— Дина, какого чёрта?! Что происходит?! Куда ты меня приволокла?! Ты моя любимая сестра, как ты могла меня так подставить?!

— Прости, — перебивает её Дина. — Я не могла иначе. Я — его смотрящая за городом. Ты будешь ближе к нему. Его фаворитка.

— Что за хрень?! Какая фаворитка?! Мы что, в Египте?!

— Ты с ним чуть позже познакомишься. Я не могу пойти против него, — Дина подходит ближе и шепчет, как можно тише. — Он то, что я никогда не видела и в книгах не читала. Он тот, кто может за секунду сожрать нашу планету, утопить в водах, иссушить в пожарах, залить кровью. Когда встал вопрос о фаворитке, я сразу подумала о тебе.

— Зачем?! Почему я?!

— Потому что ты мне ближе всех. А сама бы ты вряд ли согласилась на это, зная тебя. Так что выбора не было.

В комнату входит молодой мужчина и останавливается рядом с Диной, спиной к Любе.

— Просила прийти? Сказали срочное дело.

— Я привела вам фаворитку, господин.

— Девочек на любой вкус целое крыло.

— Но не у вас, господин. Эта самая лучшая. Она здесь, позади вас.

Господин поворачивается, и Люба от испуга закрывает глаза.

— Она спит?

— Господин, она не спит, а притворяется.

Люба чувствует, как кто-то облокачивается о кровать по обе стороны от неё, а затем дыхание окутывает. Она лежит, не открывая глаз, надеясь, что он уйдёт. Её руки, лежащие связанные ниже пупка, дрожат от напряжения, и палец поглаживает тело, нависающее над ней. Люба зажмуривается и

сжимает губы.

— Ладно, хватит играть, открывай глаза, — приказывает тот.

Люба медленно распахивает глаза и видит над собой только два глаза — правый золотой, левый серебряный. Господин медленно поднимается.

— Годится. Приведите её в нормальный вид к вечеру. Я приду.

Дина улыбается.

— Конечно, господин. Я рада.

— Надеюсь, мне эта лиса не отгрызёт нос.

— Что вы, господин, она зайка.

Господин загадочно улыбается и покидает комнату.

Дина подходит к Любе.

— Ну вот, ты ему понравилась. Если не будешь на меня кидаться, я высвобожу твои руки.

— Не буду.

Сестра открывает замки на запястьях и щиколотках и медленно отходит от сестры. Та принимает положение сидеть.

— Тебе нужно искупаться и вечером встретить господина во всём своём шарме.

— Я не хочу этого.

— Когда ты поймёшь, что ты сыр, упавший на масло, ещё спасибо скажешь. А сейчас тебе нужно принять душ. С тобой пойдёт Актавий. Проводит тебя и, по желанию твоему, потрёт спинку.

Дина поворачивается к двери, чтобы уйти, но сестра останавливает её.

— Ты продала меня как кусок, я такое никогда не забуду.

— Я отдала тебя в добрые руки, — не поворачиваясь, отвечает Дина и выходит из комнаты.

Актавий стоит у выхода.

— Пошли.

Люба встаёт, подходит к Актавию и заглядывает в его глаза — они со зрачками, человеческими, как у неё. Парень смотрит на неё в ответ, затем резко хватается за запястье и ведёт по коридору. Заводит в другую комнату, напоминающую ванную.

— Раздевайся.

— Перед тобой? Выйди!

— Раздевайся! Мне приказано не покидать тебя.

— Я не буду перед тобой раздеваться!

Парень подходит, не медля не минуты, и начинает просто рвать на девушке одежду. Она толкает его что есть мочи, но он не унимается, пока не рвёт на ней последнюю из одежд.

— Ну вот и разделась. Даже быстрее, чем ты бы сама раздевалась. Скажи спасибо Актавий.

— Иди в пень, Актавий. И никогда оттуда не возвращайся.

Люба направляется в душ. Приняв водные процедуры, выходит и встаёт напротив парня.

— И в чём я пойду, Актавий? Мою одежду ты превратил в барахло. Что молчишь?

Актавий протягивает Любе ажурную сорочку и халат в пол. Люба берёт, разглядывая этот проститутский ужас, и кривит брезгливую гримасу.

— Привыкай, фаворитка, это твоя униформа, чтобы господина радовать.

— Да что ты говоришь, придурок? — с ехидством протягивает она.

Стоя спиной, она натягивает на себя этот камуфляж видимости. Не успев запахнуть халат, как он снова хватается её за руку, чуть выше локтя, и ведёт обратно. Заведя её в ту же комнату, перед тем как удалиться, говорит, окинув взглядом:

— А ты ничего себе такая.

— Иди уже, придурочный. Покинь меня уже поскорее, а то подбешивать начинаешь.

— Фразочки как у Дины. Я, пожалуй, пойду.

— Да, исчезни уж поскорее.

Парень уходит. Люба обходит комнату, осмотрев каждый метр, но ничего не находит, чем могла бы открыть дверь. Подойдя к окну, видит стелющийся город. Нет, не тот, в котором она жила, — другой, как из современного фантастического киноматографа. Она стоит и рассматривает, как люди этой планеты передвигаются не на транспорте, а на досках, висящих в воздухе. Их одежда другая: строгие платья из блестящей ткани, похожей на фольгу, в пол на женщинах, а на мужчинах — строгие рубахи и брюки, все одинаково одетые. Дома внизу похожи на полусферы, словно мыльные пузыри,

разнесённые пополам.

— Что это за хрень? — шепчет Люба. — Где я нахожусь сейчас?

В комнату стучат и сразу же входят, не дождавшись ответа. Молодой мужчина останавливается на пороге, закрывает дверь, разглядывая девушку.

— Как тебя зовут?

— Зачем вам моё имя? Я не желаю ублажать вас. Я не хочу быть фавориткой.

— Дина сказала, что ты мой подарок, — медленно двигаясь к ней.

— Дина меня обманула. Я не хочу...

Господин стоит уже близко к девушке, его дыхание касается её лица, а глаза смотрят не отрываясь.

— Я не желаю брать силой или заставлять. Не хочешь — не надо. Скажу Дине, что подарок отказывается быть фавориткой господина, и отправлю тебя в общее поселение, по вашему..., — замолкает на пару секунд, — бордель, кажется.

— Что? Может, меня домой вернёте? Я обещаю, что никому о вас не расскажу, забуду мгновенно.

Он делает ещё один шаг и стоит уже при максимальной близости к ней. Люба опускает глаза, боясь их поднимать. Он поднимает руки и развязывает халат, поднимает ещё выше и проводит по её плечам, халатик соскальзывает на пол. Люба поднимает глаза и смотрит в его, на мгновение ей кажется, что они проникают в душу.

— Господин, я...

Не успев договорить, господин спускает свои руки ниже и кладёт ладони на талию.

— Говори, что ты хотела сказать?

— Я не помню. Отпустите меня домой.

— Хорошо, но только завтра, а сегодня мне придётся остаться здесь, чтобы остальные подумали, что ты исполнила свою обязанность.

Нехотя разворачивается, идёт к кровати, раздевается и ложится. В комнате только кровать, больше сесть некуда. Люба поднимает халат, накидывает на себя, садится на другой край от него.

— Вы точно меня отправите домой?

— Точно, как и сказал, завтра.

— Хорошо. Спасибо. А как ваше имя?

— Екуль.

— А я Люба.

— Я знаю, Люба. Я всё знаю.

Складывает руки под голову. Люба старается не смотреть на него. Екуль засыпает, и её тоже одолевает сон, привалившись рядом, она закрывает глаза и проваливается в небытие.

Утром в комнату влетает Дина.

— Пошли. Вставай, — трясёт её за плечо.

Люба открывает глаза.

— Куда? Домой?

— В обитель господина. Екуль сказал, что ему всё понра-

вилось, что он без ума от тебя.

— Он обещал меня отпустить домой! — она хватается Дину за плечи.

— Ты глупая? Ты от Екуля можешь попасть только на тот свет. Не мечтай о возвращении, обратного пути нет. Я не знаю, что тебе он обещал. Может..., — Дина задумывается, — ты его не пленила, и, вероятно, попадёшь в его бордель. Он это имел в виду.

— Дина, я не хочу всего этого! Понимаешь?

— Он что тебе не понравился? Он что страшный? Или бил тебя? — кинув в сестру взглядом. — Что тебе не понравилось? Он самый могущественный во всех измерениях! — понизив голос. — Он никогда не был с девушкой, хотя на него очередь. Люба, очнись, ты будешь у власти и поможешь мне не сгореть у своей.

— Что значит, не сгореть у своей?

Дина проходит к кровати и присаживается на край.

— Когда я сюда попала, Екуль сделал меня своей правой рукой, смотрящей за городом, за законами, но я так вознеслась от статуса, что натянула корону всевластия, сама став нарушителем его законов. Он это, конечно, увидел — его глаза видят всё, не то что наши. Я боюсь, мне грозит смерть. А когда я слышала, кто-то сказал про фаворитку для него. Я решила прикрыть свой зад тобой. Прости, — опускает Дина голову. — Но обратного пути нет. Ты должна охмурить Екуля, чтобы он исполнял все твои прихоти. И спасти меня

от смерти.

— Что значит охмурить? Как можно влюбить человека, который тебя не знает, а хочет только другого действия?

— Я не знаю! Постарайся как-нибудь! Или ты хочешь моей смерти?!

— Ну ты молодец! Сама влезла в хрен пойми что, так и меня втянула.

Дина встаёт.

— Пошли, я тебя отведу в его покои. Стражу приставлять не надо, не попытаешься бежать? Хотя далеко не уйдёшь — живой или мёртвой, тебя всё равно вернут.

Люба сглатывает. Дина отворачивает голову и идёт вперёд, сестра за ней. Идут молча, Люба обдумывает слова Дины.

— А как ты сюда попала?

— Я пришла устраиваться в администрацию нашего города и встретила его, он предложил работу здесь, на этой территории. Я не отказалась. Там я была никем, а тут...

— Больше не имею вопросов, один мат в голове на вашу... персону.

— Я, если честно, даже не знаю, что он любит — такой многогранный. Может за провинность снести голову с плеч, а может за убийство помиловать. Его глаза, я уже говорила, видят всё, даже то, что спрятано очень глубоко. Вот и пришли.

Дина открывает покои господина и заходит следом за Лю-

бой.

— Помни, моя жизнь в твоих руках.

И уходит, закрыв сестру в покоях Екуля.

Люба прилегла на его кровать и сразу засыпает. Слыша через какое-то время голос, открывает глаза. На неё смотрит господин, раздеваясь до гола — влажный и потный, как после интенсивной тренировки. Она закрывает глаза ладонями.

— Что ты здесь делаешь? Хотя не отвечай, приду из душа, расскажешь.

Через минут десять появляется, по пояс замотанный полотенцем, вытирая голову другим.

— Ну так, что ты здесь делаешь?

Люба сидит на кровати.

— Ты обещал отправить меня домой. А меня сюда.

— И кто тебя... сюда?

— Дина сказала, что я вам понравилась и что никто не давал приказа вернуть меня обратно.

— Да, приказа не давал. Ну и сюда не приглашал.

— Екуль, — Люба начинает сползать с его большой кровати, и сорочка задирается, халат разъезжается, она сидит, не замечая, как господин не сводит с неё глаз. — Я понимаю, что вы ничего не хотите, и я не хочу. Я вас не знаю, и такое знакомство меня не устраивает — только раз увидела лицо и в постель. Но пощадите: я не хочу умирать, и Дина не хочет. Может, я вам пригожусь для чего-нибудь, кроме этого,

— она ведёт головой, указывая на пространство.

Екуль подходит к Любе и садится рядом, глядя на неё своими разноцветными глазами, как пелена у слепого.

— Я соврал, я не могу тебя отпустить.

— Почему?

— Не хочу, — встаёт, просто стоя рядом с кроватью.

— Вы же обещали, господин.

Ощущение, что он что-то обдумывает: его лицо меняется мимикой, брови то сходятся, то расходятся, то он вытягивает губы, то возвращает в исходное положение.

— Знаете что?!

— Что?

Люба вскакивает и встаёт напротив него.

— Вы лгун и подлец! Обманули доверчивую девушку своим обещанием, а потом решили по-другому! Вас никогда никто не полюбит! Таких, как вы, не любят, а только боятся! — размахивая руками и ругая господина, она не замечает, как халатик распахивается.

Екуль тяжело дышит — возможно, её слова не нравятся ему.

— Вот так и вы останетесь один, навсегда!

— Закончила?

— Да.

— А теперь послушай меня. Я не ищу любви. Я живу другим. А не теми, которых пытаются под меня подложить всяких, — он окидывает её своим всевидящим взглядом, — де-

вок, чтобы прикрыть свою вину.

Раздаётся хлопок. Люба влепляет ему пощёчину.

— Ты про мою сестру! Как ты смеешь говорить такое про неё!

И отступает на шаг назад в ужасе от того, что сейчас сделала.

— Ты пожалеешь об этом.

— Прости, Екуль, я не хотела, просто ты...

Господин подходит к ней впритык и, скрежеща зубами, перебивает её, схватив за подбородок и подняв лицо, чтобы видеть её глаза.

— Ты не прав.

— В чём же я не прав?

— По поводу моей сестры. Она хорошая, но власть, данная нестойким, может подкосить. Прости её — она раскаивается.

Боясь пошевелиться, Люба так и стоит, глядя на Екуля.

— Ты всё ещё хочешь уйти?

— Да.

— Я разрешаю тебе вернуться домой. Но только сегодня. Но... если ты уйдёшь, я её убью за измену мне.

— А если останусь?

— Так... ещё желаешь уйти?

— Нет, не желаю. Уже.

Екуль наклоняется к Любе и целует — медленно, нежно, тягуче, пробуя её ответ на вкус. Его рука ложится на талию,

плотнее притягивая к себе. Люба принимает его поцелуй. Он резко отстраняется и быстро уходит в ванную.

Тем временем в ванной Екуль умывается холодной водой и, стоя напротив зеркала, произносит, глядя на своё отражение:

— Что эта девка творит? Дерзит мне, Екулью, грозе миров. Что она себе позволяет? Неужели это я сказал, что если она останется, то я пощажу её сестру? Глупец. Да, это я. Так сказал...

Выходит из ванной, хочет сказать ей, что не пощадит её, накажет. Но видит лишь спящую девушку, которая развалилась по середине кровати, подмяв между ляжек его одеяло, оголив бёдра.

— Сколько меня не было, что она успела заснуть? Наглая девка, — укладывается рядом, чуть сдвинув её в сторону.

На рассвете Екуль пробуждается — его рука лежит на ней, а её нога на нём. Лежит не шевелясь, будто боясь разбудить.

Люба просыпается, потягивается, сорочка задрана выше пупка.

— Прикройся, непутная, — отворачивает голову.

— А то что? Скафандр на меня наденешь? — улыбается она.

— Нет, боюсь, это будет не скафандр, а что-нибудь другое, — поворачивает к ней голову, и она понимает, о чём он говорит. О том, что натянуло его штаны спереди.

— Прости, я пошутила некачественно, — пытается ото-

двинуться, но не успевает.

Он притягивает её к себе, и она, чтобы не прижаться к нему, выбрасывает руку и упирается в пах. Он хватается её за затылок и притягивает окончательно. Люба прижимается к нему телом, он принимается целовать её губы. Стон вылетает из неё — как награда для него. Екуль переворачивается, и она оказывается под ним. Инструмент упирается в тело, и она ловит себя на мысли, что хочет продолжения, но он, видимо, не хочет — просто целует своими влажными поцелуями, покусывая её губы, входя языком так глубоко, что в какую-то секунду по ней пробегают мурашки. Он хочет уже свалиться с неё, но она останавливает.

— Продолжай.

— Продолжать целовать или... — он заминается, нависая над ней.

— Продолжай дальше с «или», — улыбается ему.

Дальше как по накатанной: поцелуи, тисканья, стоны, проникновение — и по кругу несколько раз.

На утро Люба просыпается — рядом Екуль нет. В дверь стучат, входит Дина.

— Доброе утро.

— Доброе, Дина, говори тише, я не выспалась.

— Всё крыло слушало, как тебя бессонница мучала — или Екуль.

— Тише, что ты такое говоришь.

— Ладно, не буду. Екуль просил передать тебе одежду.

Одевайся и за мной.

Люба поднимается и идёт в ванную, приводит себя в порядок, выходит одетой.

— Покажу тебе сегодня наш сектор, — продолжает Дина. — Интересно, ему понравилось?

— Дин, он про тебя всё знает. Екуль вчера мне дал шанс вернуться домой, но сказал, если я покину это место, он тебя убьёт за измену ему.

— Я знала, что он знает. Я вижу, ты осталась, раз ты до сих пор здесь. Спасибо.

Дина открывает комнату и выходит в коридор, Люба следует за ней. Идя по коридорам, Дина то и дело останавливается, рассказывая сестре, что это за помещения.

— Это спортзал, это общая столовая, это столовая господина, это медпункт — ты уже знаешь, это лаборатория, я туда не суюсь, это тебе пока не надо знать, а эта дверь уходит к распутницам, — Дина открывает дверь, и они снова попадают в длинный коридор, где в конце бродят девушки в ажурных пеньюарах, некоторые голые, общаясь между собой. Дина проходит к ним. — Эй, девахи! Как дела?

— Привет, Дин. Ты что к нам? — говорит одна, и несколько останавливаются рядом.

— Пришла познакомить вас с фавориткой господина.

— Он и девушка? Где эта груша для его утех? Покажи нам.

Люба стоит в тени коридора, слушая. Дина возвращается

к Любе и берёт её за руку, тянет к остальным. Девушки не скрывают удивления, восхищаясь её мастерству — увлечь в постель господина.

Заходит мужчина, и одна из девушек бежит его встречать.

— Ладно, мы пойдём, девчёнки! — кричит Дина всем, даже тем, кто повылазил из своих комнат, чтобы заценить фаворитку.

Выйдя в основной коридор, Люба спрашивает:

— И им нравится быть шлюхами?

— Да, господин их в обиду не даёт, даже балует.

— Они спят со всеми подряд. Как может это нравиться?

— Ну сюда кто попало не ходит — только приближённые господина. Так что они в восторге. Но им не фартануло, как тебе — их господин отверг, в отличие от тебя.

— И ты думаешь, мне это нравится?! — Люба останавливается, глядя на Дину.

— Ну, судя по тому, что слышало крыло, я думаю, тебе понравилось. Спала с самым господином. Праздник! А у тебя опять рожа недовольная!

— Ну спасибо, сестра, всегда мечтала переспать хрен знает с кем.

— Он не хрен знает кто! Он власть миров. А ты радуйся — теперь под ним, в прямом и переносном смысле, — хихикнув в ладонь, произносит Дина. — Как, кстати, твои порезы? Зажили?

— Да, странно, но не осталось и следа.

— Это всё лаборатория. Там такие чудеса создают.

— Дин, — Люба тормозит, схватив сестру за запястье. — Тебе нравится тут?

— Да, очень. Я тут чувствую себя больше чем человеком. Если господин разрешит, я смогу вывести тебя в город, показать этот мир во всей его красе. Покажу тебе Миленов.

— Что это?

— Это чёрные маги на служении господина.

— Маги?

— Да, этот мир очень разносторонен и огромен в своём пространстве. Тебе понравится здесь.

Они идут дальше, показывая помещения.

— А это мои, — говорит тихо с улыбкой Дина и распахивает дверь. Там оказывается ещё один длинный коридор, как к распутницам. Дина проходит до самого конца и распахивает самую последнюю слева дверь.

В огромной комнате сидят молодые мужчины и играют в неизвестную Любе игру.

— Привет, казначеи! — кричит в комнату сестра, входя в середину. — Знакомьтесь, Люба.

— Мы знаем, Дин. Это фаворитка Екуля, — говорит один.

— Она не просто фаворитка. Она больше для господина. Так что прошу любить и жаловать.

— Кофе? — спрашивает парень, который тянул Любу из трубы. Она сразу его узнаёт.

— Я буду! — кричит Дина. — Давай два! — и усаживается

на диван к парням. — Проходи, Люба, не стесняйся, они тебя не обидят.

Один из парней встаёт, уступая ей место. Люба присаживается, молчит. Остальные разглядывают её, пока другой не заговаривает, не обращаясь к Любе:

— Господин обещал мне дать доступ к девкам в южном крыле. Буду ходить, как Екуль.

— Екуль не посещает их, — вклинивается в разговор следующий. — Он и фавориток не имел никогда. А тут она, — окинув взглядом Любу. — Чем она его взяла, прям интересно. Ничем не отличается от других.

Дина молчит, потом как закричит:

— Хватит! Не смей обсуждать господина и его выбор! Она его фаворитка. Хотите голову с плеч?

Все замолкают, затем быстро меняют тему.

Дине и Любе подают кофе и какие-то неизвестные Любе сладости, похожие на бутоны цветов. Люба молча пьёт кофе, не трогая угощения.

— Ешь сладости, они вкусные, очень, — обращается Дина к сестре.

Люба протягивает руку, взяв один бутон. Он оказывается сладким, как сахарная вата, и тает во рту, как мороженое. Оставляя освежающее послевкусие.

— Какое интересное лакомство, — практически мурлычет она, прикрывая глаза от блаженства.

Дина завершала экскурсию, проходя мимо очередной две-

ри, и остановилась, обернувшись к Любе.

— Остальное видеть тебе пока рано, — и в голосе её слышалась таинственность. — Но есть кое-что, что господин разрешил показать тебе сегодня.

Люба нахмурилась, но не успела спросить, как Дина уже свернула в другой коридор, ведущий к массивной резной двери, украшенной узорами, напоминавшими переплетённые ветви. Дина толкнула створку, и Люба замерла на пороге.

Перед ней расстилался сад. Не просто сад — цветущее море, настоящее буйство красок и ароматов, которые не могли существовать в обычном мире. Деревья с серебристой листвой склонялись к тропинкам, усыпанным лепестками, переливающимися всеми оттенками розового и золотого. Цветы, похожие на огромные колокольчики, источали свечение, мягко освещая пространство, хотя неба над ними не было — только бесконечная дымка, пронизанная искрами, словно звёздная пыль. В воздухе витал аромат, смесь мёда и чего-то неуловимо свежего, напоминающего утренний дождь. Казалось, сам воздух здесь был живым, дышащим в такт с каждым лепестком.

Дина, оглянувшись на застывшую Любу, усмехнулась:

— Такой сад есть только у Екуля. Ни у кого больше в Миленове нет ничего подобного. Он создал его сам — каждое дерево, каждый цветок.

Люба не могла отвести глаз. Она шагнула вперёд, и под

ногами мягко захрустели лепестки, издавая едва слышный мелодичный звон.

— Как это возможно? — прошептала она.

— В этом мире возможно всё, если ты Екуль, — Дина остановилась у скамьи, скрытой за кустом цветущих лиан, и указала рукой вглубь сада. — Господин ждёт тебя там.

Люба перевела взгляд и увидела Екуля. Он стоял в окружении цветущих деревьев, и его фигура казалась частью этого сада — столь же вечной и загадочной. Он смотрел на неё, не двигаясь, ожидая.

Дина развернулась:

— Я оставлю вас.

И ушла, закрывая за собой дверь.

Люба пошла к Екулю, чувствуя, как под ногами мягко пружинит усыпанная лепестками земля. Он стоял неподвижно, и его разноцветные глаза — правый золотой, левый серебряный — следили за каждым её шагом. Люба подошла ближе и заглянула в его глаза, стараясь скрыть собственный взгляд, чтобы он не видел, как она разглядывает его. Она постоянно заглядывала в них, вновь и вновь, притворяясь, что смотрит на него, но на самом деле изучая — его лицо, его руки, его дыхание. Каждый раз, когда она поднимала глаза, встречаясь с ним взглядом, она задерживалась, чтобы он не заметил, как она скользит по его чертам.

Екуль молчал, наблюдая за ней, а затем спросил:

— Что бывает дальше?

— В каком смысле? — Люба вглядывалась в его разноцветные глаза. — Ты о чём?

— О нас. После того, что было. Что бывает дальше?

Люба отвела взгляд, обдумывая его слова.

— Я не знаю, что дальше. У всех по-разному.

Екуль смотрел на неё, и его глаза, золотой и серебряный, словно проникали в неё, касаясь того, что скрыто от всех. Он молчал, глядя на неё, и что-то в его лице изменилось, словно он видел нечто, чего не мог объяснить. Люба заметила это и насторожилась, но он не произнёс ни слова — просто смотрел, и его разноцветные глаза изучали её, проходя сквозь.

— Сначала пришла мать, — сказала она вдруг, чувствуя, как его взгляд давит на неё, проникает внутрь, касается того, что она сама не могла до конца осознать. — Она умерла. Я видела её в гробу, я была на похоронах. И вдруг она стоит на пороге, вся серая и пустая, и смотрит на меня. Она сказала, что нужно отметить меня для Екуля, и намазала мои губы своей кровью. А потом, через некоторое время, в квартире появился ребёнок. Маленький, как будто ему полгода. Но глаза у него были разноцветные — один золотой, другой серебряный, как у тебя. И не было ни белков, ни зрачков. Он орал, и мать сказала приложить его к груди. Я не знаю, что это значит, но я почувствовала, что что-то после изменилось.

Екуль слушал, не перебивая. А затем его лицо озарилось пониманием, и он начал смеяться. Громко, в полный голос, запрокинув голову, и его смех разнёсся по саду, заставляя

цветы вздрагивать и колыхаться от вибрации. Люба отступила на шаг, не понимая, что происходит.

— Чёрные Твари. Маги этой планеты. Они призвали твою мать после смерти, чтобы она стала их проводником в твой дом. Сами они не могут войти без приглашения, а ты бы их явно не пустила. Поэтому они использовали её, чтобы открыть дверь.

— Они призвали мою мать? — Люба чувствовала, как внутри всё холодеет. — Как они могли? Она же была мертва.

— В моём мире смерть не всегда конец. Они призвали её дух, обернули своей магией и отправили к тебе. Она сказала то, что им было нужно, и сделала то, что они хотели. И ты пустила её, не зная, что за ней стоят они.

— Но зачем им это?

— Затем, что им стало скучно. Они всегда ищут способы развлечься, — Екуль остановился напротив неё, глядя в глаза. — Они хотели найти мне фаворитку. Решили, что я уязвим, что бы ты появилась в моей жизни. И подкинули тебя мне, чтобы посмотреть, что я буду делать. Они ошиблись, решив, что я не справлюсь с тобой.

Он не предпринял ничего. Не сделал ни одного движения к двери, не приказал позвать Дину. Вместо этого он подошёл к Любе и положил руку ей на затылок, притягивая ближе, и осторожно прижал её голову к своей груди, закрывая глаза и вдыхая запах её волос.

— Я не понимаю, — прошептала Люба, прижимаясь к

нему. — Что им нужно от меня?

— Им ничего не нужно от тебя. Им нужен я. Они хотели увидеть, что я буду делать, когда рядом со мной окажется девушка.

— И что ты будешь с этим делать?

— Сейчас — просто стоять здесь, чувствуя твоё дыхание и прикосновение.

Она стояла, прижимаясь щекой к его груди, слыша, как бьётся его сердце — ровно и спокойно, словно он не боялся ничего в этом мире. Её руки поднялись и легли ему на спину, пальцы сжали ткань его одежды, и она чувствовала, как его дыхание касается её волос, как он медленно вдыхает её запах, и в этом движении было что-то древнее, почти забытое.

— Ты не боишься их? — поднимая голову и заглядывая в его глаза, вглядываясь в золотой и серебряный, скользя по ним взглядом, чтобы скрыть, как она его рассматривает.

— Я не боюсь ничего. Но с тобой я понял, что страх — это не смерть, а способ узнать что-то новое о себе.

Он замолчал, и они стояли так в тишине, пока ветер не зашелестел листвой, принося с собой аромат цветов, и Люба чувствовала, как его грудь поднимается и опускается, дыша в такт с ней.

— А что бывает дальше? — спросил он снова шёпотом.

Она подняла голову и заглянула в его разноцветные глаза, изучая их, скользя взглядом по золотому и серебряному, чувствуя, как его дыхание касается её лица.

— Мы решим это вместе, — прижимаясь к нему сильнее, чувствуя, как его рука сжимается на её талии. — Если ты не против.

Екуль молчал, глядя на неё, и в его разноцветных глазах отражался свет сада, переливаясь на границе золотого и серебряного. Затем он наклонился, коснувшись губами её лба, и голос его раздался рядом с её ухом, согревая и успокаивая:

— Я не против тебя, Люба. И я хочу узнать, что же такое — быть нужным кому-то.

Люба стояла напротив Екуля в его покоях, чувствуя, как тишина между ними становится тяжелее с каждой секундой.

— Я хочу прогуляться по городу, — сказала она, глядя прямо в его разноцветные глаза.

Екуль молчал, разглядывая её.

— С Диной, — добавила Люба. — Она покажет мне его.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не понимаешь, куда просишься. И Дина не та, кому я доверяю. Ты сама знаешь, что она сделала.

Люба шагнула ближе.

— Ты не хочешь отпускать меня даже с ней?

— Тем более с ней, — Екуль смотрел на неё сверху вниз. — Она твоя сестра. Близкий человек. И она подложила тебя под меня, чтобы спасти свою шкуру. Ты думаешь, я забыл?

— Я не прошу тебя забыть. Я прошу отпустить меня в город. Один раз. Я не сбегу.

— Я знаю.

— Тогда что?

Екуль молчал. Люба сделала ещё шаг и подошла к нему вплотную. Подняла руку, коснулась его лица, провела пальцами по щеке, задержалась на линии челюсти. Он не двигался, не отстранялся — смотрел на неё, не дыша.

Она потянулась и поцеловала его. Медленно, нежно, не спрашивая разрешения. Впервые сама.

Екуль не ответил на поцелуй. Но и не оттолкнул. Стоял, закрыв глаза, и она чувствовала, как он задерживает дыхание, позволяя ей касаться его, словно боялся разрушить этот миг.

Люба отстранилась первой и тихо сказала:

— Я вернусь.

Екуль открыл глаза. Что-то в них изменилось.

— С тобой пойдёт третий, — сказал он. — Я приставлю к вам человека из приближённых. И если что-то пойдёт не так — я узнаю.

— Хорошо, — Люба улыбнулась ему. — Спасибо.

Он не улыбнулся в ответ. Но в его разноцветных глазах было что-то тёплое, почти живое.

Через час Люба и Дина шли по улицам Миленова. Город, который она видела из окна, оказался ещё более нереальным снизу. Дома-полусферы переливались на свету, люди скользили на летающих досках, одежды струились, как вода. Воздух пах незнакомыми цветами и чем-то сладким.

— Никогда не думала, что увижу это, — тихо сказала Люба, разглядывая витрины, где товары двигались сами по себе, словно живые.

— Привыкнешь, — усмехнулась Дина. — Я тоже сначала шарахалась от всего.

Третий шёл за ними на расстоянии, не вмешиваясь. Высокий, молчаливый, с тёмными глазами, которые, казалось, видели всё, даже то, что они не показывали.

Люба остановилась у фонтана, где вода текла вверх, а не вниз, и уже хотела что-то сказать, как вдруг замерла.

В толпе — на мгновение — мелькнуло лицо.

Маленькое. С разноцветными глазами. Один золотой, другой серебряный. Ребёнок.

— Эй, ТЫ?! — крикнула Люба, рванув вперёд.

Она бежала, не глядя по сторонам, расталкивая прохожих, не слыша крика Дины за спиной. Ребёнок мелькал между ног взрослых, сворачивал в переулки, и Люба неслась за ним, теряя дыхание, но не останавливаясь.

Она загнала его в угол какой-то лощины. Тёмное место, заваленное мусором, воняло сыростью и чем-то гнилым. Ребёнок стоял спиной к стене, смотрел на неё своими разноцветными глазами.

— Стой, — выдохнула Люба. — Стой, я не сделаю тебе больно.

И в этот момент она поняла — она не поймала его. Её поймали.

Ребёнок улыбнулся. Широко. Взросло. И начал меняться. Его тело вытягивалось, черты лица становились острыми, взрослыми. На месте ребёнка стоял молодой мужчина — красивый, с тёмными волосами до плеч и глазами, которые горели, как у того младенца, но теперь в них была насмешка.

— Ты сама пришла ко мне, фаворитка, — сказал он мягко, почти ласково.

Люба развернулась, чтобы бежать, но он оказался быстрее. Она неслась в неизвестном направлении, пока не упёрлась в лес. Ноги подкосились, она упала на траву.

Он навалился сверху, прижимая её к земле.

— Мне понравились твои груди, — сказал он, развязывая шнуровку на её платье одним взмахом руки.

Люба оцепенела от его дерзости, отчаянно била его, как получалось. Парень не обращал внимания на её удары — он прильнул к её груди, облизывая их, не торопясь, словно пробоовал что-то редкое.

Она била его кулаками, царапала, пыталась сбросить. Он остановился так же внезапно, как начал. Просто перестал тискать и лизать её грудь и лёг головой ей на грудь, прижав её руки к земле.

— Твоя мать передаёт тебе привет, — сказал он тихо, почти уютно. — Она говорила, что ты всегда была её любимой дочерью, хотя не умела готовить. И что отец набрал целое ведро грибов, перед смертью. Мать жалеет, что не ценила тебя, что никогда не говорила, что любит.

По её лицу потекли слёзы. Тёплые, горькие, белые на её бледной коже.

— Ты даже не хочешь узнать моего имени? — спросил он, поднимая голову и глядя на неё снизу вверх

— Не хочу, — прошептала Люба. — Я хочу уйти.

— Фаворитка сладкая, — он усмехнулся. — Тебе понравилось быть фавориткой?

— Иди к чёрту.

— Зря ты так. Мы могли бы подружиться.

— Ни за что.

Он посмотрел на неё. Что-то в его взгляде изменилось — стало серьёзнее, почти предупредительным.

— Если захочешь позвать меня, скажи: «Алдун, приди». И я приду к тебе, фаворитка Екуля.

Он встал, отряхнул одежду, и исчез. Просто растворился в воздухе, оставив её лежать на траве, дрожащую и мокрую от слёз.

— Алдун, приди, — сказала она, поднимаясь на ноги.

Парень снова появился перед ней, улыбаясь.

— Ты меня так здесь и оставишь? Где я вообще?

— Ты же не хочешь со мной дружбы водить.

— Не хочу. Но и здесь оставаться не хочу.

— А что ты мне в замен? — он наклонил голову, разглядывая её. — Давай, поддержишь меня за руку, пока я тебя выведу отсюда. Согласна?

Люба без раздумий протянула руку. Лишь бы не ночевать

в лесу, кто знает, что в этом мире может водиться из тварей.

Он взял её за руку и повёл. Долго, по извилистым тропам, по тёмным проходам между деревьев. Люба начала замечать, что они заходят всё глубже в лес. Ветви над головой становились гуще, света становилось меньше.

— Мне уже не кажется, что ты выводишь меня, — сказала она, останавливаясь.

— Что?

— Ты завёл меня ещё глубже. Отведи меня немедленно обратно! Прошу тебя, — голос её смягчился.

Алдун остановился. Повернулся к ней.

— А если нет? Что ты сделаешь, смертная?

— Что тебе от меня нужно?!

Он рассмеялся. Громко, зло, как будто его давно никто не смешил.

— Смерть. Смерть Екуля.

— Зачем?

— Он нам мешает.

— А я тут при чём?!

— Ты... — он начал подходить ближе, и Люба отступала.

— Ты, конечно, не при чём. Но ты помазана смертной кровью. С того дня ты наша.

— В каком смысле ваша?

— Фаворитка. Фаворитка Алдуна и Екуля.

Его улыбка растеклась по лицу, как зло, вышедшее из преисподни.

Люба замерла от шока.

Она смотрела на него, не в силах пошевелиться. Слова врезались в сознание, оседая холодом внутри.

— Что значит — фаворитка Алдуна и Екуля? — голос её дрожал, но она пыталась держаться.

— А ты не догадываешься? — Алдун сделал ещё шаг, и Люба снова отступила, но за спиной оказалось дерево. — Ты помазана кровью. Не просто так. Кровь твоей матери открыла тебя для нас. Для меня.

— Я не соглашалась на это.

— А кто спрашивал? — усмехнулся, наклоняясь к ней. — Ты думаешь, Екуль сможет тебя защитить? Он не всесильный. Он просто, старый, уставший и слишком самоуверенный. Он думает, что его никто не осилит. Но ты — ты его слабость, сейчас.

— Я не слабость, — прошептала Люба, глядя в его горящие глаза.

— Ошибаешься, — Алдун коснулся пальцем её подбородка, заставляя смотреть на него. — Ты уже его слабость. Ты просто ещё не знаешь, как сильно.

Она хотела оттолкнуть его руку, но он перехватил её запястье.

— Дай мне уйти, — сказала тихо, почти спокойно.

— А если я не дам?

— Тогда Екуль узнает, что ты держишь меня здесь. И он придёт.

Алдун рассмеялся, но в смехе не было веселья — только холодная насмешка.

— Пусть приходит. Я хочу посмотреть, как он будет искать тебя в этом лесу. Тут его глаза не видят так далеко, как ты думаешь. Здесь моя земля.

Люба молчала, чувствуя, как страх сковывает.

— Ты боишься меня? — он наклонился ближе, вглядываясь в её лицо.

— Нет, — соврала она.

— Врёшь. Я вижу. Твои глаза дрожат, как у загнанного зверя. Но знаешь, что мне в тебе нравится? Ты не просишь пощады.

— Потому что она не нужна мне от тебя.

Алдун на секунду задумался, глядя на неё. Затем отпустил её руку и отступил на шаг.

— Мне нравится твой пыл. Жаль, что ты выбрала Екуля. Ты могла бы быть моей.

— Я ничья, — сказала Люба, распрямляясь. — Я не выбирала ни его, ни тебя. Я просто хочу домой.

— Домой? — поднял бровь, усмехаясь. — Твоего дома больше нет, глупая. Ты думаешь, что сможешь вернуться в свою квартиру, где умерли твои родители, и жить, как прежде? Что ты там забыла? Пустоту? Одиночество? Смерть?

Слова ударили сильнее, чем он мог ожидать.

— Не твоё дело, — выдавила Люба.

— Ты сама поймёшь, что я прав. Ты останешься здесь, и ты будешь принадлежать нам.

Он щёлкнул пальцами, и вокруг них закружились тени — чёрные, плотные, почти осязаемые.

— Что это? — прошептала Люба, оглядываясь.

— Это мой мир. Мои твари. Они проводили тебя сюда, когда ты бежала за ребёнком. Ты думала, что сама нашла меня? Нет, милая. Это я привёл тебя.

Тени зашевелились, обволакивая её ноги, поднимаясь выше. Люба дёрнулась, но тени держали крепко, как живые верёвки.

— Отпусти меня! — крикнула, пытаясь вырваться.

— Я отпущу, — тихо сказал Алдун. — Я только хочу, чтобы ты запомнила: ты всегда можешь позвать меня. Алдун, приди. И я буду рядом.

Он снова щёлкнул пальцами, и тени исчезли.

Люба упала на колени, тяжело дыша.

— Я покажу тебе дорогу назад, — глядя на неё сверху вниз. — Не потому что я добрый. Потому что хочу, чтобы ты вернулась к Екулю и помнила, что я всегда буду, рядом.

Он протянул руку.

— Вставай. И не вздумай бежать. Иначе я передумаю.

Люба поднялась, не принимая его руки. Дрожь ещё была по телу, но она не показывала этого.

— Иди за мной, — сказал Алдун и пошёл вперёд.

Она шла за ним, сжимая кулаки, стараясь, зачем-то запом-

нить дорогу. Ветви расступались перед ними, словно живые. Лес шептал, и в этом шепоте слышались голоса — её собственные воспоминания, которые она хотела забыть.

Они шли долго. Люба молчала. Алдун тоже.

Наконец они вышли на открытое место. Впереди виднелись огни Миленова.

— Иди, — сказал Алдун, останавливаясь на границе леса. — Передай Екулю привет. И скажи ему, что я жду его ошибки.

Люба шагнула вперёд, не оборачиваясь. Только когда она отошла достаточно далеко, она услышала его голос, разнесшийся шёпотом за спиной:

— Не забывай: ты можешь позвать меня. Всегда.

Она побежала, спотыкаясь, пока не выбежала на знакомые улицы. Люди смотрели на неё с удивлением, но она не замечала их.

В покоях её ждала Дина, бледная и испуганная.

— Где ты была?! — закричала Дина. — Я искала тебя!

— Потом, — прошептала Люба, падая на кровать.

Она закрыла глаза, чувствуя, как где-то там, в лесу, Алдун смотрит ей в след и улыбается.

— Какую ошибку он ждёт? — прошептала она, глядя в потолок.

Ответа не было. Только тишина, и в ней — голос матери, шепчущий: «Ты теперь наша».

Она закрыла глаза, чувствуя, как внутри поднимается что-

то древнее, чего она не могла назвать. Что-то тёмное, что росло внутри неё, как корни, пробивающие землю.

Люба знала: она не сможет рассказать Екулю всё. Потому что тогда он увидит в ней то, что она сама боялась увидеть.

— Я хочу спать, — тихо сказала она Дине, закрывая глаза.

Дина хотела что-то сказать, но промолчала, выходя из комнаты.

Люба лежала в темноте, чувствуя, как тишина сгущается вокруг неё, и в этой тишине она слышала шёпот:

— Приди, когда будешь готова.

Она закрыла глаза. И провалилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.